

ЯЗЫК КАК ПУТЬ ИНТЕРВЬЮ С ВАРВАРОЙ ЧАХОТИНОЙ

Беседу вели Елена Колюхова, Леся Музыченко, Сергей Копыл

Лекции и семинарские занятия с Варварой Чахотиной, учительницей русского языка из Германии – это всегда особенное событие в жизни киевского вальдорфского семинара. На ее занятиях по языку многие переживают своего рода потрясение – словно по волшебству перед тобой раскрывается дверь в совершенно удивительный мир – мир языка. Грамматика и фонетика могут показаться скучными и неинтересными лишь до тех пор, пока вы не окажетесь на занятии у Варвары. Любовь, с которой она рассматривает каждое языковое явление, заразительна. Побеседовав с ней, больше никогда не будешь относиться к языку так, как прежде.

Этот разговор состоялся еще осенью 2013 года, через год был опубликован в журнале «Дитина Waldorf+», а сейчас, после авторских правок и уточнений, мы публикуем его здесь, поскольку поднимаемые им темы выходят далеко за рамки педагогики и представляют, по сути, путь индивидуальности в геттеанистическом исследовании.

Елена Колюхова: Варвара, расскажите, пожалуйста, о своем пути в изучении языков: как Вы к этому пришли?

Леся Музыченко: Почему Вы заинтересовались изучением именно русского языка? Нам известно, что у Вас отец русский. Что стало импульсом к тому, чтобы заниматься языковой компаративистикой?

Варвара Чахотина: Хоть мой отец и имеет русские корни, моя сестра и братья не занимаются изучением языков. Они даже не говорят на русском языке, несмотря на то, что обстоятельства в детстве были одинаковыми. Мы выросли в одном и том же месте, где, прежде всего, говорили на немецком языке, но были и очень яркие русскоговорящие личности: Маргарита Васильевна (Сабашникова-Волошина), ее брат, моя бабушка, и еще время от времени у нас жили их друзья. Моя бабушка из Украины, она училась в Киеве и Санкт-Петербурге, где и родился мой отец. То есть бабушка уже с детства владела русским и украинским языками. Ее мама, моя прабабушка, также родом из Украины, а отец – из России. Моя бабушка говорила, что ее мама была типичной украинкой, даже шила куклы для всей деревни. Они тогда жили в районе Новочеркасска, ныне это Ростовская область, но в то время это еще было частью Украины. При этом казаки, которые работали у моего прадедушки, говорили по-русски. То есть это был такой регион, где в зависимости от слоя и от людей жил и украинский, и русский язык. Моя бабушка рассказывала, что когда она училась в школе, то из-за того, что знала и украинский, и русский, она лучше справлялась с русским правописанием, чем ученики только русскоговорящие. С самого детства у нее, по видимому, было более внимательное отношение к языкам.

Сергей Копыл: А где выросли Вы?

Варвара: Мое детство прошло недалеко от границы со Швейцарией, возле Базеля и Дорнаха. Там жила наша многочисленная семья, в том числе моя другая немецкоговорящая бабушка*. Все мы и наши гости, среди которых было много

** Первая эвритмистка Лори Майер-Смитс (1893–1971)*

представителей интеллигенции, не поддерживающих режим Гитлера, жили под крышей фирмы моего немецкого дедушки.

Леся: Насколько я знаю, русским языком Вы начали заниматься, когда Вам было 18 или 20 лет?

Варвара: Да. До этого времени я только слушала русскую речь из уст окружающих меня русских и, поскольку уже в детстве интересовалась языком, для меня было удивительно: почему эти русские всегда спорят о языке? Они очень уважали друг друга, но, к примеру, Маргарита Васильевна мне говорила: «У тебя такая чудная и особенная бабушка, только ты не говори с ней по-русски, она неправильно говорит по-русски! Она просто... понимаешь, не говорит, как надо». А моя бабушка Серафима Никитична Омолаева говорила мне: «Тебе так повезло, вокруг тебя такие прекрасные люди: Маргарита Васильевна, брат, Алеша Сабашников... Но если ты захочешь учиться русскому языку, у них не учишься».

Сергей: То есть Ваш родной язык – все-таки немецкий?

Варвара: Да. Но параллельно русская речь и представители русской культуры играли свою важную роль.

Леся: Был ли у Вас такой особенный момент, который можете назвать ключевым для сознательного рождения интереса к языкам?

Варвара: Да, я его очень хорошо помню. Вначале мы жили в том многокультурном кругу, который я описала, потом мы, Чахотины, получили немецкое гражданство. Если раньше, не имея подданства, нам не нужно было посещать школу, то когда мы стали гражданами Германии, мы обязаны были учиться в школе. Начался новый, интересный период в вальдорфской школе. После ее окончания я решила поехать в Англию, поскольку французская культура всегда присутствовала в нашей жизни, а я хотела ближе познакомиться с английским бытом. На выходных я «знакомилась с Лондоном»: любила посещать блошинные рынки, на которых можно было встретить русских первой волны эмиграции, как тех моих русских, которых я знала в детстве. И именно там родился необъясни-

мый, прямо жгучий интерес к русскому языку. Я специально стала часто бывать у этих русских и хотела вновь и вновь слушать их речь. Я пошла в советское посольство, чтобы узнать, какие есть возможности побывать в России. Сразу мне ничего не ответили, но сказали, что могу прийти через две недели. Во второй раз мне сообщили о том, какие есть официальные каналы, совершенно для меня неинтересные – через «Интурист», гостиницы и т.д. Но потом добавили: «Если у вас есть родственники, скажем, бабушка или еще кто...». То есть за это время они все обо мне разузнали, хотя я даже не показывала паспорт. Это было примерно в 1965-м.

Уже покинув Англию, я начала активно читать русскую литературу, но через некоторое время поняла, что мне совершенно неинтересно читать ее на немецком. И тогда я захотела учиться русскому. Взяла словарь и стала по методу Г. Шлимана читать со словарем. Первой книгой, которую я таким образом прочла, был «Игрок» Достоевского. Потом размышляла, как лучше изучать русский. Поняла, что мне нужен живой язык. Поехала к бабушке Серафиме Никитичне, прекрасно знавшей русскую литературу. Это были интенсивные занятия по художественной литературе. С утра до вечера Пушкин, Гоголь, Достоевский и купание в русском языке. И, не приняв в университете участия ни в одном курсе по русскому, я прошла в нем обучение славистике и германистике.

Леся: Получается, Ваш путь к русскому языку выглядит как активное слушание с детства, потом пауза и далее – самостоятельное, из личного интереса, такое волевое индивидуальное изучение?

Варвара: Да. После окончания университета в моей жизни начался новый этап. Я начала работать в школе и, не учившись государственной системе, считала нужным познакомиться с ней хотя бы на органиченный период. Поэтому работала вначале в гимназии учительницей немецкой литературы и немецкого и русского языков. Потом меня попросили вести русский язык в вальдорфской школе. Это было нечто новое

для всех, потому что во время холодной войны на русский язык смотрели также «холодно». Хотя вопрос о его преподавании в вальдорфской школе возникал еще при ее основании. Но по тогдашнему закону это было невозможно. После войны, когда снова открыли вальдорфские школы, этот вопрос был поставлен вновь, и в некоторых школах возник новый импульс. Законы стали другими, и теоретически теперь можно было вводить русский язык. Я приняла вызов, несмотря на то, что была уверена: сделать это будет очень трудно.

**Я поняла, что в таких условиях к языку
нужно подходить совершенно независимо
от политической ситуации.
Мне вспоминалась Марина Цветаева, которая
в начале войны спросила:
«А что же теперь будет с Гете и Шиллером?»**

Ведь в то время много родителей детей, которые стали изучать русский, еще сильно страдали от поствоенных травм: от того, что им нужно было убежать от советских войск, и других ужасных переживаний войны, через которые пришлось пройти. Но главная трудность состояла в общей отрицательной настроенности против всего, что было связано с Россией.

Леся: Когда же в Вашей жизни произошла встреча русского языка и антропософского подхода к изучению языков?

Варвара: Я прошла несколько необычное обучение – я не посещала государственной школы, но все же решила познакомиться с той школой, которая была наиболее распространенной. И так, как уже говорила, я сначала пошла преподавать в гимназию. Но мне было сразу ясно, что это не мой путь. Когда я ушла из гимназии и пошла учиться на вальдорфский семинар, я впервые начала *сознательно* заниматься вальдорфской педагогикой и антропософией. Но конечно, выросла я в этом же духе.

Леся: У Вас, Варвара, исключительный путь: все, что было вовне, что Вас только окружало – русский язык, антропософия, Штайнер, – со временем становится частью Вашей жизни. Это было сознательно?

Сергей: И когда именно все это сошлось воедино?

Варвара: Наверное, я с детства чувствовала особенность наших совершенно необычных условий, при которых мы выросли. Ведь надо только себе представить, какие люди нас окружали. Это были антропософы, которые лично знали Штайнера, в том числе и моя мама. Я выросла в этом духе. Моя бабушка-эвритмистка, например, делала со мной лечебную эвритмию. Важно, что все дышало свободным духом. Насчет того, когда русский язык и антропософия стали неотъемлемой частью моей жизни, не могу точно сказать. Думаю, это всегда жило во мне, потому что в таком духе меня воспитывали с раннего детства. Хотя это было без специальных внешних учений. Когда со мной, сестрой и братьями занималась учительница, которая была одной из первых учительниц вальдорфской школы, мы произносили с ней утреннее изречение и т.д. Она также была лечебной эвритмисткой.

Все это происходило у нас дома, и к нам, точнее, к моей бабушке, Маргарите Васильевне и ее брату профессору Сабашникову часто приходили «эти люди из Дорнаха» со своими глубокими взглядами. Я намного позже поняла значение этих незаурядных, оригинальных, иногда для нас странных людей, которые работали при Штайнере в разных областях.

Когда же я стала учиться на семинаре, то впервые начала читать «Теософию». Пожалуй, именно тогда все и сошлось воедино.

Оказалось, то, что писал Штайнер, для меня было естественно, хотя, как уже говорила, раньше не читала его книг. Меня всегда удивляли вопросы и непонимание, которые вызывали его труды у других.

Правда, позже, когда стала работать в школе, из-за отсутствия свободного времени не имела возможности много читать. Зато в последние годы у меня появилось больше времени читать книги и лекции Штайнера. И, знаете, всегда думаю: да ведь там все написано, а я столько мучилась над разрешением стольких вопросов.

Леся: Варвара, скажите, присутствовал ли в Вашей работе феноменологический метод рассмотрения языка изначально? Вы самостоятельно пришли к нему?

Варвара: Да, по сути, я пришла к нему самостоятельно. Когда я начала работать в школе, то нигде не могла найти примеры, как правильно преподавать русский язык, и мне не с кем было посоветоваться. Никто в моем окружении не занимался русским языком, и у меня не было коллег, которые могли бы подсказать, как работать. Также я не слышала ни одного слова о том, как преподавать русский язык, во время обучения на семинаре.

Поэтому, когда я начала преподавание, первым вопросом для меня было: как я могу найти метод, который совершенно не связан с политической ситуацией? Стало ясно, что к объективности я могу прийти только, если буду объективно описывать сущность языка: этот язык таков, этот – таков.

Тогда я поняла еще вот что – надо исследовать, какие звуки есть в русском языке, а какие – в немецком. Я хотела понять, каков звук «Ы», которого нет в немецком? Я стала приставать ко всем людям на семинаре: «Скажи “Ы”, “Ы”, “Ы”!». И так по полчаса: как это для вас, как вы себя чувствуете, что ощущаете? Я все время проверяла, чтобы не ограничиваться только тем, как я себя чувствую после того, как 500 раз произнесу «Ы». Мне важно было проверить, что ощущают другие, чтобы получить действительно объективное знание. Таким

образом, я начала изучать, переживать все звуки, в том числе с учениками в классе. К примеру, однажды мы вместе исследовали, каков звук «Р», почему он воздушный. Здороваясь перед уроком с каждым ребенком, я в утрированном виде произносила: «Добррррое утррро, Маррртин!». И дети, подражая мне, отвечали: «Добррррое утррро, Варрррваррра Вениаминовна!». Когда таким образом 12 из 40 учеников зашли в класс, а оставалось еще 28, я с ужасом подумала: что же теперь делать? Ведь они уже все танцевали, кружились, произнося при этом «рррррррррр». Тогда мне стало ясно, что это, правда, воздушный звук. При изучении звука «Л» мне интересно было проверить и пережить, как он относится к влажности, о чем я знала из книг.

Так я училась вместе с учениками. И со временем начинала все глубже понимать разницу между языками: немецкий – русский – английский и т.д. Мне стало открываться, что делает с учеником английский язык, а что – русский, как действует французский и немецкий.

Я обнаружила, что если в первом классе начинаю преподавание с русского языка, а через два месяца дети начинают изучать английский язык, то сразу же начинается ухудшение с русским. Так происходит, потому что по-английски говорить легче, не нужно в каждой ситуации изменять слово, как это происходит в русском из-за склонения и спряжения. В английском ты знаешь слово *flower*, и оно всегда остается таким вне зависимости от контекста. Таким образом, английский очень удобен, практичен, экономен.

Также я поняла, что если язык уже находится на том этапе, когда он «жертвует собой» и больше работает с чувством мысли, то это напрямую влияет на человека, который тогда менее активно относится к языку.

Сергей: В таком случае получается, что человек становится активнее в мышлении, правильно?

Варвара: Да. Но дети еще не мыслят. В итоге, получается только ущерб для языка: чувство языка развивается меньше. Потому я бы рекомендовала в младших классах меньше (по количеству уроков) изучать английский, а больше тот язык, у которого еще достаточно много грамматических форм. Позже стоит вводить, конечно, больше уроков английского. Ведь что случается в 12-13 классе? После контрольной работы, во время которой надо, например, переводить текст, ученики оказываются в таком разочаровании, таком гневе: как же так, я знал каждое слово, а перевести не смог!

Сергей: Так случается в английском?

Варвара: Так может случиться в английском. Ведь нужно схватить мысль – тогда все станет ясно.

Сергей: Получается, в русском языке поймать мысль легче?

Варвара: Да, намного, потому что в нем все взаимосвязи выражены в грамматических формах.

Чтобы развивать чувство речи, нужны основы богатого языка, в котором есть различные грамматические формы. Это присутствует в русском: в нем много трудных и длинных предложений, так же, как и в латинском или древнегреческом.

В русском есть различные деепричастия, причастия, другие части речи, которые позволяют сказать: это относится к этому слову, а это – к другому. Потому я считаю предрассудком мнение, что только латинский язык воспитывает мышление как никакой другой. И русский, и украинский языки это тоже делают. Как я уже заметила, в этих языках есть много разнообразных форм, четко указывающих на взаимосвязи.

Сергей: Варвара, Вы были в Украине в 1968 году и теперь снова к нам приехали. Интересно, как Вы оцениваете развитие языка, так сказать, со стороны, если сравнивать былое и нынешнее время?

Варвара: К сожалению, я не могу судить об этом, так как в 1968 году я была в Киеве всего два дня и получила всего лишь общее впечатление. Тогда я вообще была первый раз в стране, где говорили по-русски или по-украински. Потом я была и в других республиках, но везде единственным языком, на котором я могла общаться, был русский. Кстати, это меня спасло, когда я начала преподавать на периодическом вальдорфском семинаре параллельно со школой.

Леся: Как Вы пришли к тому, чтобы преподавать студентам новый принцип феноменологии языка?

Варвара: Я работала, исходя из этого принципа, еще в Германии. А в России впервые стала его применять после распада Советского Союза, когда во времена перестройки появилась невероятная до тех пор возможность создать вальдорфскую школу. Когда я раньше бывала в Советском Союзе, мы об этом даже не могли и мечтать.

Леся: На какой вальдорфский семинар Вы приехали впервые в качестве доцента?

Варвара: Я не помню точно. Возможно, на периодический и затем учительский семинар в Санкт-Петербурге. Ведь некоторых людей с семинара я знала и раньше. К примеру, с Еленой Огаревой я была знакома еще задолго до возникновения семинара. Как-то раз она сказала: «Что же это такое? Мы занимаемся вальдорфской педагогикой, и один из главных уроков – родной язык. Наши же доценты, немцы, англичане, скандинавы, ничего не понимают в русском языке. Мы скоро закончим обучение, пойдем работать, а еще ни слова не слышали о том, как преподавать русский, как вводить русские буквы». Вот тогда пригласили меня».

Леся: Елена Огарева вместе с вами является соавтором книги «Заметки о русской грамматике». Как Вы пришли к написанию совместной книги?

Варвара: Меня попросили написать книгу, когда я начала преподавать на семинарах. Сначала я отказывалась, потому что у меня совсем не было свободного времени: работа в школе, в немецком учительском семинаре, семья, дети и т.д. Но люди, которые меня просили, говорили, что мне просто нужно в письменном виде фиксировать то, что я делаю на лекциях, чтобы и те, у кого нет возможности приехать на семинар, могли получить этот необходимый гетеанистический импульс. А поскольку Елена Огарева, тоже считавшая, что просьбу студентов нужно исполнить, все же знала, что я действительно такую книгу писать не буду, она предложила: «Давай ты мне все расскажешь, я запишу на диктофон и потом превращу это в письменный вид». Так мы и сделали. Это была интересная, но и весьма сложная работа, которая только благодаря Лене, преодолевшей и географические расстояния, и технические аварии, привела наши с ней беседы к «Заметкам о русской грамматике»*.

Леся: Сейчас Вы вносите некоторые правки в книгу. Вас не все там устраивает?

Варвара: Конечно, это нормально, тем более что я не могла прочитать окончательного варианта текста. Там иногда встречаются маленькие неточности, но в целом эти заметки раскрывают метод объективного рассмотрения языков. И я уже несколько лет жду чего-то похожего в отношении украинского языка.

* Варвара Чахотина, Елена Огарева. «Заметки о русской грамматике», Москва, Парсифаль, 2000; второе, исправленное и дополненное издание – Киев, Наури, 2015.

Елена: Варвара, на заняттях Ви говорили о діалектах, о том, что они связаны с індивідуалізацією. Мені жє нікогдє не приходила в голову мьсль об'єднати мєжду собою эти два явлєня. Каким образом Ви пришли к такому вьводу?

Варвара: Мені вєгдє було інтєресно наблюдати за малєнькими дєтьми по вєму миру. Поначалу они не очєнь отличаютєся друг от друга. Когда жє начинают расти, то отличия становятєся очєвидными, даже среди дєтєй в одной сємьє. В процесє вьзрослєня происходит індивідуалізація. Мєньше вєго этот процес заметєн в странах, гдє отдєльная личность игратє незначитєльную роль. А в Европє (Россия и Украина, кстєти, для мєня тожє Европа) в цєлом присутствует процес індивідуалізація. Но большє вєго это, пожалуй, можно наблюдати в Средней Европє, в частности в нємєцкоязьчных странах, гдє первое лицо развиваетєся, ощущаетєся в *Ich*. Поэтому для мєня совершенно естєственнымь являютєся фєкторы, которьє влиятє на развитие язька: географическое положение страны, сосєдние гєсударства. К примєру, в Гєрмєнии на границє с Францией иначе произносят нємєцкие слова, нежєли в тєх областєх, которьє сосєдствуют со славянскими или скєндинавскими народами. Итєк, в наличии разных діалєктєв можно увидєти індивідуалізація, дифференцирование, влиятє климєта и географически-исторических фєкторєв и большєє стрємлєниє сохрєнять сєбя, не участвовати в общєм развитии. Так, например, в нємєцкоязьчных странах діалєкты не участвовали в общєм развитии нємєцкого литературного Neuhochdeutsch.

В Украине тожє очєнь заметно влиятє сосєдних стран с их язьковой средой: будучи, как русский и белорусский, тожє восточнославянским язьком, он легко воспринимает влиятє сосєдних стран, культур, язьков, например, польского.

И многое из того, что отличает украинский от русского, можно понять с этой точки зрения.

Но есть и языковые явления, которые характеризуют все славянские языки, например, что славянину дано личное местоимение «Я», а не «Ich». Это совершенно разные звуковые жесты, выражающие состояние и ощущение человека по отношению к себе и ко всему миру. Гласный *i*, связанный с серединой, и *ch* [хъ] как духовный импульс! А в слове «Я» (как по-немецки «Ja!» – «да») – самый мягкий, звонкий согласный, не случайно названный «и кратким», почти нет контура, и за ним звучит гласный *a*, самый-самый открытый. Задача состоит в том, чтобы отдавать себя и при этом себя не терять, оставаться самим собой. Это, конечно, очень трудно. Ведь «Ich» только в процессе становления.

Елена: А уже к Самодуху стремятся...

Варвара: Да! В этом и есть ваша судьба. Поэтому вы так легко теряетесь. В России этот процесс может быть еще сложнее.

Сергей: Варвара, Вы говорили, что каждый язык по-разному ведет человека. Скажите, исходя из Вашего опыта исследования русского, куда этот язык ведет человека и как в связи с этим он будет дальше развиваться? Можно ли намеки на это проследить, например, в грамматике?

Варвара: Если бы у нас было больше времени, я могла бы шаг за шагом это все показать.

Сейчас же замечу только, что в лекциях, которые читал Штайнер русскоязычным людям – все равно, из Украины или России – самое важное слово, которое звучало – это *ответственность*. Ответственность. Вы ответственны за то, чтобы данное вам в языке как путь понять и осуществить.

Об этом писал еще Достоевский. Он своими словами говорил о Шестой культуре и о том процессе, который идет через страдание, через жертву. Между прочим, интересно, что последний фильм великого режиссера Тарковского называется «Жертвоприношение».

Сергей: Мне всегда казались опасными фразы в стиле: «У вас еще нет индивидуализации, а вы уже стремитесь к Самодуху». Как здесь не пропустить свою задачу? Ведь часто это рождает мысль, что сначала следует пройти весь путь индивидуализации, а вот потом уже... Но тогда будто отказываешься от того, что дано в языке. Будто пытаешься стать немцем и как бы начать говорить «Ich», потому что боишься иначе потерять себя в современном мире с этим «Я»...

Варвара: В данном случае я только могу привести несколько исторических примеров. Скажем, Серафим себя не терял. Также не потеряли себя Достоевский, Толстой, Чехов, Бродский. Последний даже в том случае, когда писал прозу на английском.

Потому что русский становится тем больше русским – об этом говорит и Достоевский в «Подростке», как, впрочем, и в других своих произведениях, – чем больше он воспринимает самое хорошее из других культур. Он себя находит таким образом.

Елена: Другими словами, русский человек индивидуализируется, принимая из других культур?

Леся: Верно ли, что, вобрав в себя так много чужого, он все равно остается русским или, скажем, украинцем?

Варвара: Вспомните речь Достоевского о Пушкине. Почему Достоевский считает Пушкина самым русским человеком? Потому что в течение своей короткой жизни он очень много всего взял из различных культур и, усвоив, преобразовав, создал нечто новое, пушкинское, русское.

